

От... и до...

Юбилейный альманах
в честь
Е. В. Душечкиной и А. Ф. Белоусова

Санкт-Петербург
«Бельведер»
2006

С. Г. Леонтьева, М. Л. Лурье, А. А. Сенькина

Два великих дедушки

Как известно, один из способов конструирования образа персонажа посредством его имени — наделение прозвищем. В частности, достаточно распространена модель, грамматически представляющая собой сочетание антропонима с препозитивным приложением, лексическое значение которого привносит в имя экспрессивную характеристику его носителя по некоторому признаку: внешнего облика (*малютка Джон, красавчик Джо*), возраста (*крошка Енот, старик Годовик, старик Хоттабыч, старуха Шапокляк, дедушка Мазай*), характера (*Весельчак У*) и т. д. Если такое сочетание фигурирует как устойчивое, а не разовое (ср., например, *старик Державин*), его первая часть как бы контаминируется со второй, образуя единое собственное имя (отсюда и отсутствие в отечественной орфографической традиции единой нормы: в некоторых случаях такие приложения пишут со строчной буквы, в других — с прописной), но никогда не утрачивает своего исходного атрибутивного потенциала, что дает возможность в различных контекстах актуализировать те или иные коннотации.

Наверное, самая многочисленная и наиболее употребительная группа подобных прозвищ приписывает их носителям определенный родственный статус. Среди таких сочетаний — имена как вымышленных героев, так и персонажей культурной мифологии, относящихся к вполне реальным фигурам: герои книги Дж. Харриса *братец Кролик, матушка Медоус* и др., персонифицированный символ американской политики *дядя Сэм*, одна из вариаций литературного имени Корнейчука/Чуковского *дедушка Корней* (*бабушка, матушка, папаша, тетушка* и т. п.). Наше внимание при-

влекли два сочетания из этой группы, отличные от других по ряду показателей. Во-первых, это имена не литературных или мифологических персонажей, а весьма известных людей, получившие в России всеобщее распространение, ставшие фактом национальной речевой культуры и культурной мифологии; во-вторых, оба они используют в качестве первого элемента один и тот же термин родства — *дедушка*, а в качестве второго — не имя, а фамилию, что в целом не характерно для описанного типа личных наименований.

Проницательный читатель, вероятно, уже догадался, что речь идет о *дедушке Ленине* и *дедушке Крылове*. На первый взгляд, нет ничего общего между этими фигурами, равно как и между теми эпохами и культурно-историческими условиями, в которых сложилась традиция их почитания, в частности в ипостаси «дедушки». Однако когда мы попытались подробнее присмотреться ко всему, что касается этих имен-клише — к обстоятельствам их возникновения, распространения, контекстам функционирования, связанными с ними мотивами повествовательных и изобразительных текстов и т. д., — то обнаружилось довольно много неочевидных совпадений, параллелей и общих мест, что и подтолкнуло нас к замыслу этого этюда.

Слово «дедушка» начинает регулярно появляться перед именем Ленина в середине 1920-х гг., после его смерти. Более того, есть отдельные нестрогие указания на разовые употребления этой формулы еще при жизни Ильича и даже до его болезни 1922–1923 гг., во время которой и начал формироваться культ вождя. Так, в 1920 г., была опубликована пьеса С. Дерябиной «На заре нового мира (сказка настоящего)», которой было предпослано посвящение «дедушке Ленину» от его «внучки»¹.

Свидетельство, относящееся к 1922 г., находим в одном из текстов, помещенных в сборнике «Ленин и дети», составленном Иллей Лином², в разделе «Ильич и дети»:

¹ Авторы благодарят Н. А. Гуськова, сообщившего этот факт.

² Сборник «Ленин и дети» представляет из себя собрание разнообразных «материалов по теме»: писем детей к Ленину, воспоминания о встречах с ним, «слушки и толки» в детской среде, стихи и прозаические миниатюры, содержание которых является реакцией на смерть вождя. Этот сборник предназначался

От залпа Авроры до космических кораблей. 1917–1967. Список литературы

Минск, 1966

Оправившись после своей болезни в 1922 г., Владимир Ильич посетил Клару Цеткин. Врачи ему тогда разрешили гулять, лишь понемногу. Побеседовав с Кларой Цеткин о делах партии и Коминтерна, Владимир Ильич начал собираться домой:

— Представьте себе. На днях я получил письмо из глухой деревушки. Около сотни детей из приюта пишут мне: «Дорогой дедушка Ленин. Учимся прилежно. Уже хорошо умеем читать и писать, делаем много хороших вещей».

(Лин 1925, 19)

Этот сюжет интересен еще и тем, что Ленин здесь сам (и, видимо, по памяти) цитирует письмо, в котором дети называют его «дедушкой Лениным». Соответственно, читатели книги должны были так или иначе принять к сведению, что вождь пролетариата знал о присвоенном ему детьми титуле «дедушки» и реагировал на это вполне благосклонно.

В том же сборнике есть еще один чрезвычайно примечательный для нас фрагмент. В одном из «воспоминаний» рассказывается о том, как в ожидании приезда Ленина в детский дом дети спорят, как его называть:

К нам на днях приедет Ленин. Кучами собирались, тараторили.

— Ленин... Ой, мне не верится...

— Почему нет? Разве он не может приехать? Ведь он не царь. Он — Ленин.

— Ребята, а как мы его называть будем?

— Конечно, «товарищ Ленин...»

— Нет, неудобно. Он ведь старичок. Он умный. И вдруг мы, мелюзга, ему — товарищ. Нет, неудобно.

для подготовки к дням памяти Ленина и ленинским праздникам. Часть текстов, помещенных в сборнике, подписана именами авторов (например, И. Исбах, В. Васильева, Е. Рудштейн и др.), отдельные дневниковые записи атрибутированы (например, дневник Лидии Лисовской детского дома № 16 СОНО). В то же время насколько подлинны тексты дневников, заметок, «впечатлений», в том числе и неподписанные, судить сложно. Книга была издана в 1925 г. к годовщине смерти вождя и представляет для нас особую ценность как один из наиболее ранних документов формирования детской версии ленинского мифа в советской педагогико-пропагандистской литературе. В дальнейшем мы не раз обратимся к ее материалам.

- Ну тогда дедушка Ильич...
- Это уж очень по-детски...
- А как же ты думаешь называть?
- Просто Владимир Ильич.
- А я не буду придумывать. Как назовется, так и ладно.

(Лин 1925, 27)

Независимо от того, действительно ли перед нами «аутентичный» мемуарный текст, более или менее точно передающий разговоры детдомовцев, или же это от первого до последнего слова плод творчества составителя сборника, — приведенный эпизод свидетельствует о том, что в последние годы жизни Ленина и в первые годы после его смерти вопрос приемлемого для детской среды именованья вождя так или иначе рефлексировался и формула *дедушка Ленин* уже мелькала, хотя не приобрела еще статуса канонической.

Большинство ранних употреблений *дедушки Ленина* встречается в публикациях, описывающих детские переживания по поводу смерти Ленина или содержащих воспоминания о встречах с ним. Интересно, что на первых порах дети (реальные или выдуманные) очень часто обозначают его как родственника или близкого знакомого, но еще далеко не всегда как «дедушку». Например, воспитанники детского дома, узнав о болезни Ленина, пишут на классной доске: «Товарищ Ленин, вождь рабочих, сильно заболел. Мы будем соблюдать тишину, чтобы не мешать дяде Володе. Товарищ Ленин много работал» (Лин 1925, 32)³, и они же пишут ему письмо: «Милый дядя Володя, скорее выздоравливайте», причем составитель сборника И. Лин комментирует это следующим образом: «...То писали письмо близкому, ценимому» (Лин 1925, 35)⁴. Реже, но все-таки встречается именование Ленина отцом: «Он умер. Его нет. Дорогой наш отец сделал много для нас, детей, и для рабочих» (Лин 1925, 40), и даже папой:

³ Здесь и далее орфография и пунктуация в соответствии с оригиналом.

⁴ Вообще письмо вождю — весьма распространенный способ коммуникаций с властью в советское время (властью же и поощряемый). Любопытно, что в случае с письмами к Ленину отчетливо прослеживается «чеховская» традиция: внук пишет дедушке.

Прощай, дядя Ленин. Мы тебя больше никогда не увидим, но будем тебя всегда вспоминать. Мы скоро придем на могилу твою и все там заплачем. Мы вырастем, мы будем читать твои книги и учиться. Мы не забудем тебя в сердцах и в памяти. Мы — твои дети, ты — наш самый лучший из всех папа. Прощай, папа Ленин.
(Лин 1925, 77)⁵

На первых порах, когда формула уже, очевидно, «вызревала», но еще не отлилась в неварьируемое клише, в качестве переменной выступал не только родственный статус Ленина, но и само имя вождя: наравне с *дедушкой Лениным* употреблялось и наименование *дедушка Ильич*. Такой вариант встречается, в частности, в письмах детей к Н. К. Крупской 1924 года: «...будем продолжать начатое дело нашего дорогого дедушки Ильича» (Лин 1925, 67). Показательно, что в текстах тех лет было возможным и параллельное употребление обеих версий:

Идем к гробу дедушки Ильича. И они, маленькие, и мы, большие, идем в ногу. Впереди два мальчика несут знамя с надписью: «Дедушки Ленина нет с нами больше, но мы доведем его дело до конца». А сзади них девочки несут скромненький венок с красными лентами. Рученки покраснели от холода, но твердо и бережно держат венок. Венок — дедушке Ильичу.

(Лин 1925, 60)

В течение последующих лет словосочетание *дедушка Ленин* встречается все чаще, в частности, с распространением влияния пионерской организации — в специальной пионерской печати, к концу десятилетия всякие разночтения практически исчезают: формула *дедушка Ленин* окончательно канонизируется и активнейшим образом эксплуатируется идеологической литературой.

⁵ В исследованиях, посвященных культуре Ленина и Сталина (см., напр.: Тумаркин 1997, Вайскопф 2001), неоднократно подчеркивалось, что вокруг Сталина, в частности для детской аудитории, создавался «отцовский текст» — «отец народов» и пр. (см., например, сборник Дети о Сталине 1939), а вокруг Ленина — «дедовский текст»: предок, основатель, представитель старшего поколения в семье-партии. Однако это замечание справедливо для более позднего периода, когда культ личности обоих вождей начал создаваться целенаправленно и продуманно, с тщательным отбором слов и сюжетов, тогда как в начале-середине 1920-х процесс мифологизации образа Ленина шел еще во многом стихийно.

Появление словосочетания *дедушка Крылов* (или, как иногда писали в XIX в., «Дедушка-Крылов»), как известно, связано с именем князя П. А. Вяземского. В 1838 г. к празднованию семидесятилетнего юбилея И. А. Крылова и пятидесятилетия его литературной деятельности Вяземский сочинил поздравительные куплеты, в которых обыграл пятидесятилетний юбилей как золотую свадьбу счастливого и плодотворного союза Крылова с его музой: «Здесь с музой свадьбу золотую / Сегодня празднует Крылов». В качестве потомства этого «небесплодного» брака были представлены произведения Крылова, которыми он себя прославил: «Изба его детьми богата / Под сенью брачного венца; / И дети — славные ребята! / И дети все умны — в отца!»). После каждого куплета следует один из двух вариантов припева (либо про жену, либо про детей), однако оба завершаются одним и тем же стихом-рефреном: «Здравствуй, дедушка Крылов!» Стихи были положены на музыку графом М. Ю. Виельгорским и исполнены на торжественном юбилейном обеде М. Петровым. Собравшимися гостями куплеты были восприняты с восторгом — и, видимо, не в последнюю очередь благодаря удачной формуле чествования виновника торжества. Вот как описывает момент исполнения песни автор статьи в «Санкт-Петербургских ведомостях»:

Припев повторялся хором и после громкого, блестящего tutti бархатный голос Петрова возглашал:

Здравствуй, дедушка Крылов! И всякий раз после этого раздавались восторженные рукоплескания, клики — энтузиазм неудержимый! Стихи по общему требованию были повторены.

(Праздник 1838, 123–124)

Возможно, решающим фактором, определившим молниеносное распространение прозвища почитаемого баснописца стал не только и не столько большой успех исполнения куплетов Вяземского на торжественном сборище (там все же присутствовало ограниченное количество людей — около двухсот), сколько резонанс самого мероприятия и, главное, то широкое освещение, которое получило празднование крыловского юбилея в прессе. В течение менее чем десяти дней после этого «праздника русской словесности» три столичные газеты напечатали о нем восторженные заметки (см.: Праздник 1838, 123–124; Русский инвалид 1838, 122–124;

Литературные прибавления 1838, 126). Дело в том, что в каждой из них, помимо прочего, полностью приводится текст куплетов Вяземского, где словосочетание *дедушка Крылов* повторяется 6 раз.

Сегодня едва ли возможно доподлинно узнать, существовало ли речевое клише *дедушка Крылов* до юбилейной песни. Скорее всего, нет. Можно было бы предположить, что именование Крылова «дедушкой» было в ходу в узком кружке в качестве ласкового дружеского прозвища поэта, а заслуга Вяземского в том, что он это прозвище «запустил в тираж». В 1845 г., вскоре после смерти баснописца, Д. В. Григорович опубликовал его биографию для детей, которую, по его словам, писал еще при жизни Крылова и во многом по его же собственным рассказам. Рассказывая о рождении замысла празднования крыловского юбилея, автор книги описывает компанию, куда входили В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, М. Ю. Виельгорский, П. А. Плетнев, В. И. Карлгоф, В. А. Каратыгин, В. Ф. Одоевский, и как бы вскользь указывает, что Крылова «издавна в этой дружеской беседе называли дедушкой» (Григорович 1845, 65). Однако никаких подтверждений этому факту в нашем распоряжении нет, — вероятно, их и не существует. Сам Вяземский настаивал на своем авторстве формулы *дедушка Крылов*. В «Приписке» к «Известию о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева» он называет себя «воспевшим и окрестившим дедушку Крылова так, что <...> это прозвище было усвоено всею Россиею» (Вяземский 1982, 170)⁶.

Нам, однако, важно не столько то, кто и когда впервые назвал Крылова дедушкой, сколько то, что после юбилея и исполнения куплетов словосочетание *дедушка Крылов* очень быстро стало и общим местом в текстах о баснописце.

⁶ О быстром распространении прозвища и осведомленности публики (по крайней мере, в первые годы), о том, кто его «запустил», косвенно свидетельствует и текст, в котором оно рикошетом ударило по своему создателю. В июне 1840 г. А. И. Тургенев в письме к А. Я. Булгакову рассказывает: «Вчера с дедушками Крыловым и Вяземским ездил обедать в Ц<арское> село к Смирновой...», — записывая в «дедушки», вместе с семидесятидвулетним баснописцем, и самого автора быстро прижившегося прозвища, которому в то время не было и пятидесяти.

Конечно, и у Крылова, и у Ленина были предпосылки для того, чтобы сделаться «дедушкой». Прежде всего, обе фигуры обрели сверхактуальность в национальном масштабе достаточно внезапно и в уже зрелом (хотя и не старом) возрасте. В случае Крылова это, безусловно, связано с его выступлением в качестве баснописца. Как известно, именно с этого момента поэт быстро обретает огромную популярность и признание у широкой публики и из разряда второстепенных писателей переходит в категорию литературных лидеров. После выхода первых публикаций басен Крылова (1806) его творчество в этом жанре начинает восприниматься в литературных кругах как одно из главных оригинальных достижений отечественной словесности, а сам баснописец — как один из ее символов. Как отмечают современные исследователи биографии Крылова А. М. и М. А. Гордины, «свидетельства мемуаристов о Крылове по большей части относятся ко второй половине его жизни, в основном к последним двадцати-тридцати годам» (Гордин, Гордин 1982, 6). Об этом же писали и сами современники. По словам П. А. Плетнева, «Крылов родился для нас только в 40 лет» (Галахов 1875, 293). П. А. Вяземский писал: «Бывал ли он влюблен? Бывал ли он когда-нибудь молод? Вот вопросы, которые хотелось бы разрешить» (Вяземский 1982, 176).

Но дело, конечно, не только в том, что Крылову к моменту обретения им славы баснописца было за сорок, не только в «тучном, тяжелом» (Грот 1869, 2) облике и специфической манере поведения поэта, но и в восприятии басни как жанра, популярного в России в XVIII в., а для романтической эпохи почтенного, но несовременного, даже несколько архаичного, относящегося скорее к области истории литературы. Очевидно, что баснописец Крылов мог и должен был восприниматься человеком другого поколения и литератором другого века. А. Арьев, рассуждая о том, почему Крылова называли «дедушкой», пишет: «Не подчеркивала ли аттестация эта прежде всего литературного положения баснописца, положения «дедушки» молодой русской словесности?» (Арьев 1985, 7). Именно так и хотели воспринимать Крылова писатели-современники. Не случайно прозвище регулярно обыгрывается в более поздних повествованиях о крыловском юбилее: «Это был

праздник литературной семьи, собравшейся около своего дедушки» (Лескин 1868, 101).

Ленин, в свою очередь, становится по-настоящему известной и актуальной в масштабах страны личностью лишь в конце 1910-х гг., когда из руководителей одной из политических партий становится лидером и одновременно символом нового государства. Важной предпосылкой метаморфозы образа и статуса Ленина, сделавшей из пламенного борца за свободу трудящихся, энергичного вождя мирового пролетариата, непреклонного организатора красного террора «дедушку», тихо доживающего свой век в загородном имении, стала болезнь 1922 г., резко, в одночасье состарившая Ленина и удалившая его от дел. Последнее обстоятельство, по-видимому, во многом определило потребность и создало условия превращения Ильича из фигуры политической в фигуру по преимуществу мифологическую.

Показательно, кстати, что в обоих случаях своего рода точкой отсчета жизни имени и образа *дедушки* стало некое ритуальное мероприятие, получившее огромный резонанс. В случае Ленина таким толчком послужили похороны вождя, на которые, как известно, состоялось настоящее паломничество. В случае Крылова в качестве ритуальной точки отсчета становления клише выступило юбилейное торжество, одобренное на высочайшем уровне и воспринимавшееся не просто как чествование именитого писателя, но как «праздник русской словесности», «торжество, незабвенное в летописях нашей литературы» (Праздник 1838, 123), «великолепный патриотический обед» (Русский инвалид 1838, 122). В своей поздравительной речи В. А. Жуковский так охарактеризовал масштаб и значение торжества: «Наш праздник, на который собрались здесь немногие, есть праздник национальный; когда бы можно было пригласить на него всю Россию, она приняла бы в нем участие с тем самым чувством, которое всех нас в эту минуту оживляет, и вы от нас немногих услышите голос всех своих современников» (Жуковский 1985, 253).

И это не случайно, как не случайно и то, что после указанных событий новые прозвища, как уже было сказано, довольно быстро распространялись, приживались, начинали использоваться в дидактическом дискурсе, хотя на первых порах никаких уси-

лий к этому не прилагалось, идеологический потенциал не был столь ясен. Ритуальные события в обоих случаях служили сигналом к началу целенаправленного создания культа, статус *дедушки* оказался столь востребованным, поскольку «целевой аудиторией» вскоре стала детская среда.

По поводу ситуации с пропагандистским использованием фигуры Ленина в одном из исследований утверждается, что «организаторы его культа все большее внимание придавали распространению ленинизма среди детей» (Тумаркин 1997, 203). На самом деле, культ Ленина в детской среде создавался стремительно. Уже к годовщине смерти вышли первые сценарии «ленинских дней памяти» (например, в январских и февральских номерах журналов «Пионер», «Барабан», «Октябрьские восходы», газете «Юный Ленинец» (до переименования — «Юный Спартак»)). В отличие от «взрослой» редакции культа, которая к 1928–1929 году претерпела значительные изменения (см. Тумаркин 1997), культ Ленина в детской среде в 1920-е годы неизменно связывался с образом *дедушки* (октябрятский образ Ильича-малыша появился позднее и, как это ни парадоксально, сосуществовал с Ильичом-дедушкой непротиворечиво⁷.

После смерти Ленина из печати хлынул целый поток изданий с названиями «Ленин и дети», «Дети и Ленин», «Дети о Ленине», «Ленин и юные ленинцы» и пр.⁸ К 1925 г. Е. Ярославский, составитель биографии Ленина, включил в свой биографическийopus главу «Дети о Ленине», и это можно считать знаком того, что тема «детского Ленина» вошла уже в «зрелую стадию». Наиболее популярный сюжет 1924–1925 гг. — смерть и похороны Ленина. Из-

⁷ Наряду с тем что в ленинине для детей немалое место отводится описанию детства Ленина, его становлению как революционного борца и вождя пролетариата (Лилина 1924; Ульянова 1924), изображение Ленина-старичка занимает особое место. Любопытно, что в рассказе Н. К. Крупской «Самый близкий друг», в котором речь идет о Володе-малыше, именуется он все равно «Ильич» (Ильич 1987, 5).

⁸ Например, издания 1924–1925 гг. для детей: З. Лилина «Ленин и юные ленинцы», И. Лин «Ленин и дети» и просто беллетризованные биографии Ленина для детей: В. Лир «Ленин», З. Лилина «Наш учитель Ильич», В. Кузьмин «Ильич». В последующие годы аналогичные издания выпускались регулярно, вплоть до 1980-х г., в частности, сборники «Ильич и дети», «Ильич и девочка».

вестие о смерти вождя и «любимого дедушки» шокирует детские души:

Голос у Надежды Ивановны тихий, вздрагивающий. Газетный лист прыгает в руках. Тоскливыми глазами обвела вдруг при-молкнувших детей.

— Ильич умер.

Катюша шмыгнула носом, бросилась к Надежде Ивановне, спрятала у ней в коленях лицо и заплакала. Надежда Ивановна нагнулась над девочкой, нежно погладила золотистые кудряшки Катюшины. Заплакали другие. Петунька подбежал к самому маленькому, Федюрке, своему любимцу, вытер ему нос подолом рубахи.

— Не плачь, Федек, не плачь.

(Дорохов 1925, 9)

Потрясение от известия о смерти Ильича сопровождается желанием видеть его в гробу. Например, в рассказе В. Васильевой «У гроба вождя» пионерский отряд приходит к гробу Ленина и присягает на верность его памяти: «Прощай, дедушка Ленин. Ты любил больше всего на свете дело рабочих. Ты любил рабочих детей. Ты отдал свою жизнь за то, чтобы нам жилось лучше. Твои внучата, юные пионеры-ленинцы, не забудут ни одного слова из твоих заветов» (Васильева 1926, 24). В описания похорон регулярно включаются клятвы детей вождю, и, собственно, с этого времени в пионерскую ритуальную словесность (например, в «Торжественное обещание» и «Законы пионеров») вошло клише «заветы Ильича».

Стремление проститься с вождем стало основой многочисленных сюжетов о том, как дети убегают из детского дома, чтобы попрощаться с вождем. Так, Петунька, герой цитированного выше рассказа П. Дорохова, убегает из приюта и, присоединяясь к детским группам, дважды ходит посмотреть на умершего Ленина. Сюжет побега к ленинскому гробу не в последнюю очередь связан с восприятием героем-ребенком Ленина как собственного родственника, не пойти на похороны к которому просто нельзя. *Дедушка Ленин* часто прямо сопоставляется с родным дедушкой: «Петуньке было жаль Ильича глубоким жалостливым чувством. Как будто второй раз умер дедушка Назар, в котором Петунька

души не чаял. Прикалывая к стене картинку, нет-нет да и взглянет на портрет» (Дорохов 1925, 10–11).

В этом контексте неудивительно появление «трикстерских» сюжетов об использовании родства с Лениным в «корыстных целях». В повести Г. Милевского «Пионер в Америке» русский пионер, попав в фашистскую Италию, на угрозы жандарма смело заявляет: «я внук Ленина» (имея в виду свое членство в пионерской организации). Итальянские фашисты, не знакомые с советской идиомой «пионер — это внук Ильича», решили, что Володя в самом деле внук Ильича и обрадовались такой поимке, но ему удается их одурачить. Позднее попав в Америку, Володя связывается с детской коммунистической группой (Милевский 1925). В целом эксплуатация «родственных отношений» Ленина и всех советских детей породила большое количество формульных, текстовых и визуальных реализаций.

Особое почитание Крылова, как и прозвище *дедушка Крылов*, как показано выше, изначально не имело никакого отношения к детской среде. «Поэта и мудреца», как назвал баснописца Гоголь, чествовали как своего общего дедушку прежде всего любители родной словесности, многие из которых по возрасту едва ли годились ему в дети. Однако удачное, «прилипшее» к образу поэта прозвище было довольно скоро, практически сразу после смерти баснописца, подхвачено, канонизировано и растиражировано образовательной литературой и помогло педагогам сконструировать «детский» (или «школьный») образ Крылова.

А потребность в построении такого образа для ученической аудитории действительно была. Дело в том, что почти сразу же после появления первых сборников крыловских басен они стали включаться во все школьные хрестоматии (которых тогда еще было совсем немного). В большом количестве басни печатались в учебных пособиях на всех уровнях обучения, по-видимому, использовались в качестве учебных текстов и в домашнем образовании. В статье Санкт-Петербургских ведомостей о праздновании юбилея Крылова сообщается, что «князь Владимир Федорович Одоевский провозгласил тост <...> в котором изобразил отношения младшего литературного поколения к творениям знаменитого поэта, поколения, которое, по словам Князя В. Ф. «училось читать

по Басням Крылова» (Праздник 1838, 124). Действительно, уже в первой трети XIX в. басни становятся первыми произведениями для чтения после освоения азбуки у младших школьников, вытесняя переводные тексты, которыми были наполнены тогда учебные пособия⁹.

Отечественные педагоги, авторы методик преподавания русского языка и словесности, составители хрестоматий немало способствовали известности Крылова и его басен среди детей еще при жизни баснописца. Всего год спустя после смерти Крылова выходит книга Д. В. Григоровича, которая начинается словами: «Кто из вас, дети, не читал басен Крылова? Я думаю даже, вряд ли найдется между вами такой, который не знал бы их всех наизусть» (Григорович 1845, 1). Как современники, так и последующие поколения отмечали, что «не было ни одного, кто превзошел бы славою дедушку Крылова. <...> В школах, и мужских, и женских, басни Крылова заучиваются прежде всякого другого сочинителя» (Филонов 1873, 1). Басни, благодаря небольшому объему, занимательности сюжета и незатейливости нравоучительного вывода, прочно и надолго вошли в хрестоматии, ни один другой жанр литературы не был так эксплуатируем при обучении в школе. По ним учили читать и писать, объясняли правила «настоящего»¹⁰ русского языка, их учили наизусть, они были удобны для пересказа и т. д. В конце XIX в. преподаватель из Киева писал: «Трудно

⁹ Этот факт неоднократно, особенно педагогами 1860-х гг., ставился в заслугу не составителям хрестоматий, а самому Крылову, который объявлялся таким образом первым автором, с которым в школьное преподавание вошел истинно народный русский язык и национальный дух. Например, Э. Лескин, приветствуя включение басен Крылова в учебные пособия, писал: «Замечательно, что Иван Андреевич был русским человеком в то время, когда всякое подражание почтительно просвещением, когда слово иностранное было тождественно со словом умное, гениальное» (Лескин 1868, 6). В тот же год столетия со дня рождения баснописца другой известный педагог и филолог писал: «А во дворцах и в домах вельмож Иван Андреевич для детей заменял русский народ и язык этого народа; целому полчищу иностранцев-воспитателей Крылов с полным правом мог сказать: Я один шел против вас, отстаивая русских детей и спасая их от вашего противонародного влияния: мое имя — легион!» (Селин 1868, 39).

¹⁰ В педагогике того времени существовала точка зрения, что басни Крылова — едва ли не единственные в своем роде произведения, написанные настоящим, живым, истинно народным русским языком.

себе представить возможность изучения русского языка без басен Крылова. <...> Какой это правильный материал для развития здравого ума, правильного взгляда на человеческие дела, верного понимания жизни и нравственности» (Искра 1895, 11–12). Несмотря на появление большого количества разнообразной литературы для детей, басни Крылова включались в учебные пособия неизменно и никогда не сдавали позиций.

Неудивительно, что басни Крылова знал каждый ребенок, едва лишь побывавший в начальной школе, количество которых, кстати, на протяжении второй половины XIX столетия постоянно росло. Педагогам в этой ситуации хотелось и самого баснописца представить в его отношении к детям. Статус «дедушки» подходил для этого как нельзя лучше. Одно из стереотипных мест в рассказах о Крылове, в частности в книгах о нем, предназначенных детям, подается как свидетельство его огромной, еще прижизненной популярности как детского автора: на гуляющего баснописца, как на живую легенду, взрослые указывают детям: «Посторонние люди, встречаясь с ним на улице, кланялись ему; а няньки и родители, встретив его в Летнем саду, где он любил в старости гулять, говорили детям: «Это дедушка Крылов!»» (Острогорский 1894, 4). Особенно примечателен текст, в котором этот момент приводится как объяснение того, почему Крылов по праву является общим дедушкой: «Мы знаем, что Крылов умер дедушкой, умер в глубокой старости. Имя «дедушки» он приобрел при жизни, ибо матери показывали детям проходящего по улице Крылова и говорили: «вон дедушка Крылов!»» (Филонов 1873, 2).

Вообще, практически ни одно детское издание, связанное с именем Крылова, будь то его биография, сборник басен или школьная хрестоматия, не обходится без того, чтобы не назвать Крылова «наш дедушка», «Дедушка-Крылов» и т. п. Уже первая биография баснописца, изданная специально для детей через год после его смерти, а писавшаяся еще при жизни, была озаглавлена не иначе, как «Дедушка Крылов» (Григорович, 1845). Вслед за ее автором практически все без исключения авторы книг о Крылове для детей называют баснописца *дедушкой Крыловым*. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. выходит около 10 биографических очерков о И. А. Крылове и сборников его басен,

От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише / Пермяков Г. Л. М., 1970

в название которых вынесено словосочетание «Дедушка Крылов» (см. например, Лескин 1868; П. В. Ш. 1868; Острогорский 1894; Богданов 1894; Васин 1905; Тулупов, Шестаков 1909; Зарин 1915 и др.), причем некоторые из них переиздавались неоднократно, например «Дедушка Крылов» А. Филонова (Филонов 1873) в течение 30 лет перепечатывался 7 раз, последнее издание вышло в 1904 г.

Важным моментом в создании культа *дедушек* стало демонстрирование их любви к детям. Так, один из известных «крыловских» сюжетов, приводимый несколькими авторами, состоит в том, что «когда однажды в присутствии Крылова стали перечислять, как много вышло изданий его басен, то «А что мудреного? — отвечал Крылов, — басни писаны для детей, а дети все рвут книжки, и приходится опять печатать»» (Муравьев 1982, 269). Тем самым Крылов будто бы, иронизируя, признавал, что пишет басни именно для детей:

В числе множества воспоминаний Крылова многие для него весьма драгоценны. Однажды, летом, прогуливаясь в отдаленной части города, зашел он в узкую улицу, где перед домиками были расположены небольшие садики. Проходя мимо одного из них, он заметил, что там играли дети, в присутствии какой-то пожилой женщины, вероятно, их матери. — Крылов прошел мимо, но потом, как-то случайно обернувшись назад, увидел, что дети влезли на забор палисадника, и дама каждому из них по очереди показывала на него пальцем. Это, по-видимому, ничтожное обстоятельство, более других было памятно Крылову. Он считал славу эту гораздо выше той, которую воздавали ему в свете.

(Григорович 1845, 59)

Или в другом месте читаем:

Одним из свойств покойного была чрезвычайная его любовь вообще к детям, которых он всегда называл «моя публика». Необычайное множество изданий своих басен он приписывал тому, что они — в руках у детей, а дети не умеют беречь книг.

(Корф 1982, 253)

Образ Ленина, создаваемый в книгах, предназначенных для чтения детям, — это добрый старик, преданно и беззаветно любящий детей, постоянно заботящийся о них, невзирая на суету

революционной борьбы. При этом большое количество сюжетов посвящено не только заботе Ленина из Смольного (Кремля), когда он, не выходя из кабинета, раздает распоряжения об улучшении жизни детей рабочих и крестьян, но и непосредственному общению Ленина и детей. Время действия в этих сюжетах — 1922–1924 гг., время болезни вождя. Часто и место действия — это Горки, где Ленин жил и лечился. Внимание «летописцев» сосредоточено на двух основных темах: Ленин на детском празднике и Ленин в повседневном общении с детьми (на прогулке, за обедом, в гостях и пр.). Наиболее растиражирован сюжет «Елка Ильича»¹¹. Ленин участвует в новогоднем ритуале: играет с детьми в кошки-мышки, а потом непринужденно общается:

После игры завязалась беседа. Дети говорили с ним просто, и не чувствовалось никакого стеснения. Он уже был для них своим человеком. Они отбили его от взрослых, потащили с собой пить чай и наперебой угощали, накладывали ему варенья, решительно все хотели что-нибудь для него сделать. А он колол для них грецкие орехи, наливал в блюдечки чай из горячих стаканов, подкладывал сладостей и ласково следил за всеми, точно все они были его семьей. Владимир Ильич очень любил детей, и детишки это чувствовали. Он быстро узнал их имена, и надо было удивляться, как он только не путал их. С детьми ничего нельзя было поделаться, они совсем завладели Владимиром Ильичом.

(Бонч-Бруевич 1987, 10)

Общение детей с Лениным часто характеризуется как дружеское (ср. «Владимир Ильич тепло простился со своими маленькими друзьями. Праздник получился чудесный, и дети после него писали Владимиру Ильичу письма, а он, хотя был очень занят, всегда отвечал им» (Бонч-Бруевич 1987, 10)), закономерно после таких встреч завязывается дружеская переписка. В текстовом воплощении культа Ленина общение в вождем непрерывно: от встречи к ожиданию следующей встречи, а в течение этого ожидания обмен письмами (ср. цит. выше чтение Лениным Кларе Цеткин детского письма — с. 11) и посылками (Богданов 1987).

¹¹ См. об эволюции этого сюжета, в том числе и в текстологическом аспекте, в книге Е. В. Дущечкиной «Русская елка: История, мифология, литература» (Дущечкина 2002, 296–313).

В описании ленинской заботы о детях весьма часто встречается мотив занятости вождя, вопреки которой он призывает бездомных и голодных детишек:

Я вам стихи читать начну,
Я расскажу вам, дети,
Как в голод девочку одну
Ильич однажды встретил.
Чтоб наша красная звезда
Была навеки с нами,
Тогда, в те трудные года,
Сражались мы с врагами.
Ленин очень занят был,
Но взял с собой малышку,
Ее согрел и накормил,
Достал с картинкой книжку.
Среди больших и важных дел
Мог малое увидеть...
Людей любить Ильич умел,
Умел и ненавидеть.
Он ненавидел всех господ,
Царя и генералов,
Зато любил простой народ,
Любил детишек малых.

(Рыльский 1985, б. с.)

При всем том есть свидетельства, что детей ни Ленин, ни Крылов не любили (не было у них и своих детей и внуков), например, по воспоминаниям современников Ленин относился к детям, как котяткам (см. Тумаркин 1997, 121–122), любопытно в этом контексте, что о его общении с детьми часто говорится «возился с ними», «особенно охотно возился» (Крупская 1987, 6). Это породило тексты, снижающие «любезность» Ленина, в частности многочисленные анекдоты о Ленине и детях. Например,

— Дедушка, дай копеечку? — А хуюшки! А глаза добрые, с хитринкой.

Ленин очень любил детей... Бывало выйдет во двор, поймают одного-двух и гла-а-а-дит, гла-а-адит...

(<http://ulyanov.h1.ru/deti/>)

Ср. аналогичные варианты:

Дзержинский звонит Ленину:

— Владимир Ильич, когда расстреливать — до или после обеда?

— Пгенепгемменно до обеда! А обеды отдайте детям — дети га-
бочих голодают!

(<http://www.gatehouse.ru/lenin/ilyich/>)

В свою очередь и дети отвечают взаимностью своим дедушкам¹². Для детей дедушки — близкие, дорогие, любимые люди. Это выражается прежде всего в эпитетах, которыми они наделяются, например, «дорогой»:

Дорогой дедушка Ильич! Мы, пролетарские дети детского дома твоего, дорогого для нас имени, старательно изучаем все твои заветы, твою борьбу за счастье трудящихся, за счастье всех пролетарских детей, чтобы продолжить начатое тобой дело строительства коммунизма.

(Ильич 1987, 21)¹³

Одна из беллетризованных биографий Крылова для детей в начале XX в. называется «Любимый дедушка» (1905) (Васин, 1905). Стремление представить Крылова близким, родным человеком

¹² Ср. постсоветский текст (1992) пермского поэта Антипа Одова:

Сто строк про Ильич и кумач

Прибежали в избу дети
Сеть сплетя из кумача
Тятя тятя наши сети
Притащили ильича
Дети мчатся дети скачут
А ильич плененный плачет
Кумачовый ильичок
Кап да кап на пиджачок
Дети с видом палача
Рвут на части ильича
Ты не плачь ильич не плачь
Новый вывесят кумач

(<http://magazines.russ.ru/ural/1996/11-12/frag.html>)

¹³ При цитировании позднего источника следует учитывать временную дистанцию, и «редакторские» интенции публикаторов детских писем 1920-х гг. Но все же очевидно, что эпитет «дорогой» использовался и в 1920-е гг. во время становления культа.

можно встретить и в текстах конца прошлого века. Так, автор книги «Поэт и мудрец» пишет: «Даже внешний облик “дедушки Крылова”, словно близкого родственника, знаком и всегда безошибочно узнаваем» (Коровин 1996, 3).

Но в обоих случаях подчеркивается не только близость, но и великость и гениальность дедушек, например, Илья Лин, комментируя детские переживания о смерти вождя, констатирует: «Есть ли цифры для учета миллионов этих милых сердечек, скучавших сквозь паволоку грусти, о великом “дяде Ленине”» (Лин 1925, 56). В «Спутнике юного пионера» 1924 г., есть отдельный раздел «Великий дедушка Владимир Ил. Ульянов (Ленин)» (Спутник 1924, 2). После жизнеописания вождя, выполненного в панегирических тонах, следует некрологическое резюме:

После продолжительной болезни, вызванной тяжким переутомлением, наш Великий «Дедушка» умер 21-го Января 1924 года близ Москвы в имении «Горках». <...> Юные пионеры должны первые впитать в себя великое учение Ленина, его заветы, опыт, революционную стойкость и безграничную любовь к рабочему классу, для того, чтобы выросши продолжать и закончить великое Дело Великого Дедушки Ильича.

(Спутник 1924, 8–9)¹⁴

Так же и Крылов характеризуется как «гениальный баснописец, дедушка Крылов» (Лескин 1868, 5), кроме того, уточняется, что «дедушка-Крылов был не только талантливый писатель, но и человек благородной души» (Круглов 1905, 30), и прогнозируется, что «вечно будут помнить о «дедушке-Крылове», этом добродушном старике, умевшем так смеяться в своих сочинениях» (Васин 1905, 32).

Все эти характеристики *дедушек* существенным образом оказались связаны с их ролью мудрецов и наставников. Им приписывается особая проницательность, знание человеческих слабостей.

У Крылова это объясняется жанром, в котором он творил: благодаря жанру басни сам автор становился учителем, наставником и мудрецом: «тот человек, который является нам в баснях,

¹⁴ Обращает на себя внимание, что в год смерти вождя слово «дедушка» еще берется в кавычки, а уже в 1925 г. эти кавычки будут сняты.

есть высокий мудрец, исполненный правил чести и добродетели, гонитель всякой лжи и низости, защитник науки и мысли против невежества и глупости, наконец, наставник современников и потомства» (Грот 1869, 27). Э. Лескин в беллетризованной биографии И. А. Крылова для детей называет его не только «дедушка Крылов», а «дедушка-учитель» (Лескин 1868, 12). Составитель хрестоматий для школьников А. Филонов пишет: «Его, по справедливости, можно назвать общим нашим учителем; басни его — сборник житейской мудрости» (Филонов 1873, 6).

Дедушка Иван Андреевич Крылов прожил на свете 76, в полной памяти и свежем уме; а другие говорят, что он жил ровно 80 лет. <...> Имя дедушки по преимуществу принадлежит Ивану Андреевичу Крылову, ибо басни его показывают ум многоопытного старца, — такого мудрого старца, который насквозь видел человека на всех путях его жизни.

(Филонов 1873, 2)

Таким образом, за баснями Крылова закрепляется характеристика поучающих (дидактических) текстов для детей: «Всякой мало-мальски грамотный знает, что Крылов объяснял людям правду баснями. <...> Басня есть правда, обиняком высказанная; это самый простой и старинный способ поучения истине». (Иван Андреевич 1856, 15–16).

«Как великий мастер слова, как глубокий знаток языка, как великий учитель, Крылов не заменим в русской школе» (Искра 1895, 11). Его сборники басен воспринимались «книгой мудрости самого народа», в которой «всем есть уроки» (Гоголь 1982, 295–296). Использование басен Крылова в хрестоматиях, кроме общей известности и огромной популярности, закрепило за ними значение «истинно народного» жанра: «Дедушка-Крылов одушевлял природу, пробуждал лучшие чувства и в человеческих душах» (Круглов 1905, 25).

В отличие от «хрестоматийной» дидактической значимости Крылова, ленинское наставничество связано с другими контекстами: Ленин как вождь мирового пролетариата являлся гарантом будущего, в котором как раз и придется жить детям. Он знает и понимает, во имя чего и как нужно жить, а потому наделяется

неизмеримыми воспитательскими полномочиями. Он воспитывает Егорку Исаева, героя рассказа С. Алексеева «Снегирь» (Алексеев 1987), в «экологическом ключе»: пронизательно догадывается, что мальчик поймал снегиря и держит его в клетке, парой-тройкой фраз ему удается убедить Егорку выпустить птицу на волю. Так же хитроумно он прививает детям «аппетит» в рассказе В. Д. Бонч-Бруевича «Общество чистых тарелок» (используя между прочим «бюрократическую» модель коммуникации: вынуждает детей писать заявление о приеме в общество и налагая резолюцию о принятии) (Бонч-Бруевич 1984).

Оба описанных выше составляющих образа, коррелирующих с их статусом дедушки — любитель/любимец детей и мудрый старик — нашли отражение в традиционных мотивах иконографии обоих *дедушек*.

Во-первых, широко представлены живописные и скульптурные изображения Ленина в окружении детей, например, Корякин «Ленин с детьми» (1929), А. Г. Варламов «В. И. Ленин с детворой» (ок. 1950), Н. Жуков «В. И. Ленин и Н. К. Крупская на елке в Сокольниках» (1962), В. Павлович «Ленин и дети. Елка в Сокольниках» (1980). На памятнике в Летнем саду фигуру Крылова окружают животные, и в известном смысле этот образ схож с изображением Ленина и детей. К тому же эти животные — персонажи его басен, которые, по метафоре Вяземского, суть его дети.

Вторая важная особенность иконографии *дедушек* заключается в том, что их изображали стариками¹⁵. Ленин, как правило, лысый, с бородой, с морщинами мудрости и лукавым прищуром: «Ильич смотрит чуть прищуренным глазом и, кажется Петуныке, одобрительно улыбается» (Дорохов 1925, 6).

Вообще портрет Ленина как артефакт неоднократно описывается в литературе для детей:

Подолгу стоит Петуныка перед портретом Ильича. Вот бы кому рассказать, поди-ка, все знает. Надежда Ивановна говорила, что все знает.

¹⁵ Ленина на октябрятском значке изображали в младенческом возрасте, но все же основной тиражируемый образ Ленина — это старик.

— Ишь, лбище-то целый каравай, — думает Петуныка, — как у покойника дедушка Назара.

(Дорохов 1925, 6)

Портретное сходство Ленина с родным дедушкой в очередной раз подчеркивает его близость, но в то же время портрет сам по себе наделяется контролируемыми и «соглядательскими» функциями, что в немалой степени способствует мифологизации изображенного на нем лица.

Поднимется солнце,
Заглянет ко мне.
Осветится ярко
Портрет на стене.
И, словно желая мне
Доброго дня,
Ильич, как живой,
Поглядит на меня.
Я ленинцем стать
Настоящим хочу,
Чтоб смело смотреть мне
В глаза Ильичу!

(Погореловский 1985)

Для образа Крылова тоже характерны «старческие» черты: грузность, седина, мудрый все видящий взгляд. В создании такого образа даже более, чем сам клодтовский памятник, красноречивы его описания в изданиях для детей:

Имя дедушки за ним осталось по смерти, ибо на памятнике, что в Летнем саду, Крылов представлен дедушкой.

(Филонов 1873, 2)

На этом памятнике навсегда увековечен дедушка-Крылов, тот чудодей-баснописец.

(Круглов 1905, 25)

Таким мудрым дедушкой, с книгой в руках, и с спокойной, глубокой думой в лице, и изображен наш баснописец на известном памятнике в Летнем саду, в Петербурге.

(Владимиров 1895, 3)

Памятник Крылову является одним из красивейших в России. Он изображен сидящим с книгой в руках, массивным, в просторном сюртуке, совершенным «дедушкой Крыловым».

(Зарин 1915)

Материал, на котором мы построили свои наблюдения, хронологически ограничен: крыловская часть представлена публикациями XIX в., ленинская — в основном, 1920–1930-х гг. Мы и не ставили перед собой задачи проследить всю историю функционирования заинтересовавших нас формул. При этом и те наблюдения, которые мы рискнули представить в своем этюде, позволяют проследить, как возникшая в определенной культурной ситуации формула имени, порожденная стереотипами восприятия актуальной для общественного сознания личности, в результате при определенных условиях сама становится мощным инструментом формирования культурного мифа вокруг этой личности, как она притягивает к образу пучки характеристик, отражается и обыгрывается в устойчивых повествовательных мотивах, эксплуатируется в дидактическом дискурсе.

Мы попытались показать, что несколько неестественное, едва ли употребительное в повседневных речевых практиках сочетание интимно-фамильярного «дедушка» с официальным обозначением лица по фамилии, оказалось чрезвычайно выигрышным для построения образа человека любимого всяким и великого для всех, родного каждому и недостижимо гениального. Логика строения имени во многом определила и логику построения культурного мифа, ориентированного главным образом на детскую аудиторию, и это определило сходство между ленинским и крыловским «текстами», которые выглядят тем более рельефно на фоне объективно обусловленных различий.

На неизбежно возникающий вопрос о том, мог ли созданный в XIX в. культ *дедушки Крылова* хотя бы в какой-то мере повлиять на появление в начале XX в. имени и образа дедушки Ленина, едва ли можно дать уверенный положительный ответ. Но если новый век подарит русским детям нового *дедушку* с пока еще неизвестной нам фамилией, — то можно уже сейчас с большой долей вероятности предположить многое из того, что о нем будут говорить и писать.

Литература

- Алексеев 1987 Алексеев С. Снегирь // Ильич и дети. Л., 1987. С. 15–18.
- Арьев 1985 Арьев А. Смысл легенды // Гордин М. А. Жизнь Ивана Крылова. М., 1985. С. 5–18.
- Богданов 1894 Богданов П. Дедушка Крылов в сельской школе. СПб., 1894.
- Богданов 1987 Богданов Н. Улыбка Ильича // Ильич и дети. Л., 1987. С. 19–21.
- Бонч-Бруевич 1987 Бонч-Бруевич В. На елке в школе // Ильич и дети. Л., 1987. С. 9–14.
- Бонч-Бруевич 1984 Бонч-Бруевич В. Д. Общество чистых тарелок // Бонч-Бруевич В. Д. Наш Ильич: Воспоминания. М., 1984. С. 34–35.
- Вайскопф 2001 Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2001.
- Васильева 1926 Васильева В. У гроба вождя // Памяти Ильича. / Сост. В. Лир. Харьков, 1926. С. 23–25.
- Васин 1905 Васин Н. Любимый Дедушка. Очерк жизни И. А. Крылова. М., [1905]¹⁶.
- Владимиров 1895 И. А. Крылов и его басни. Чтение профессора П. В. Владимирова в заседании Исторического Общества Нестора летописца 20 ноября 1894. Киев, 1895.
- Вяземский 1982 Вяземский П. А. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева. Приписка // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 169–176. («Серия литературных мемуаров»)
- Галахов 1848 Книга для первоначального чтения и практического изучения русского языка / Сост. А. Галахов. М., 1848.

¹⁶ Год издания в книге отсутствует, указывается по дате цензурного разрешения 30 марта 1905 г.

- Галахов 1875 Галахов А. Д. История русской словесности. Древней и новой. Т. 2. История новой словесности от Карамзина до Пушкина. СПб., 1875.
- Гоголь 1982 Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 295–296. («Серия литературных мемуаров»)
- Гордин, Гордин 1982 Гордин А. М., Гордин М. А. Крылов: реальность и легенда // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 5–36. («Серия литературных мемуаров»)
- Григорович 1845 [Григорович Д. В.] Дедушка Крылов. Книга для подарка детям. С портретом Крылова и картинками, изображающими сцены из его жизни. СПб., 1845.
- Грот 1869 Грот Я. К. Литературная жизнь Крылова // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1869. С. 1–49.
- Дети о Сталине 1939 Дети о Сталине. М.; Л., 1939.
- Дорохов 1925 Дорохов П. Как Петуныка ездил к Ильичу. М., 1925.
- Душечкина 2002 Душечкина Е. В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002.
- Жуковский 1985 Жуковский В. А. Речь на юбилее И. А. Крылова // Гордин М. А. Жизнь Ивана Крылова. М., 1985. С. 253–254.
- Зарин 1915 Зарин А. Е. Дедушка Крылов (биографический очерк). М., 1915. («Замечательные люди всего мира. Описание их деятельности под редакцией А. Е. Зарина»)
- Иван Андреевич 1856 Иван Андреевич Крылов. Для простонародия. СПб., 1856.
- Ильич 1987 Ильич и дети. Л., 1987.

- Искра 1895 Искра П. А. Иван Андреевич Крылов. Речь, произнесенная на акте в Одесском коммерческом училище. Одесса, 1895.
- Коровин 1996 Коровин В. И. Поэт и мудрец: Книга об Иване Крылове. М., 1996.
- Корф 1982 Корф М. А. Отрывочные заметки и воспоминания об И. А. Крылове // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 247–254.
- Круглов 1905 Дедушка-Крылов. Очерк жизни баснописца. Составил А. В. Круглов. Для детей школьного возраста. М., 1905¹⁷.
- Крупская 1987 Крупская Н. К. Самый близкий друг // Ильич и дети. Л., 1987. С. 5–8.
- Лескин 1868 [Лескин Э.] Дедушка Крылов. М., 1868. (Серия «Жизнеописание русских баснописцев». Издание общества распространения полезных книг.)
- Лилина 1924 Лилина З. Наш учитель Ильич. М., 1924.
- Лин 1925 Лин И. Ленин и дети. М., 1925.
- Литературные прибавления 1838 Литературные прибавления к Русскому инвалиду. № 6 (5 февраля) и № 7 (12 февраля). СПб., 1838.
- Милевский 1925 Милевский Г. Пионер в Америке. М., 1925.
- Муравьев 1982 Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами // И. А. Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А. М. Гордина, М. А. Гордина. М., 1982. С. 269. («Серия литературных мемуаров»)
- Острогорский 1894 Острогорский В. Дедушка Крылов и его памятник. СПб., 1894.
- П. В. Ш. 1868 П. В. Ш. Философия поэзии дедушки Крылова для детей и взрослых. М., 1868.

¹⁷ Текст книги был подготовлен автором к печати в 1888 г., но был издан лишь в 1905.

- Погореловский 1985 Погореловский С. Портрет Ленина // Ильич и девочка. М., 1985.
- Праздник 1838 Праздник // Санкт-Петербургские ведомости. № 29, 5 февраля (суббота). СПб., 1838. С. 124–125.
- Русский инвалид 1838 Русский инвалид или военные ведомости. № 31, 4 февраля (пятница). СПб., 1838. С. 122–124.
- Рыльский 1985 Рыльский М. Ильич и девочка // Ильич и девочка. М., 1985.
- Селин 1868 Крылов, как высший представитель русской басни. Академическая речь профессора Селина. Киев, 1868.
- Спутник 1924 Спутник юного пионера. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1924.
- Тулупов, Шестаков 1909 Басни дедушки И. А. Крылова. Сб. 1–5 / Под ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М., 1909. («Библиотека новой школы»)
- Тумаркин 1997 Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.
- Ульянова 1924 Ульянова А. Детские и школьные годы Ильича. М., 1924.
- Филонов 1873 Филонов А. Дедушка Крылов. СПб., 1873.